

АМЕРИКАНСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МИРОТВОРЧЕСТВА: ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРОТИВ ЭТАТИЗМА

© 2017 г. **М.В. Братерский***
Статья поступила в редакцию 7.11.2016.

Региональные конфликты и гражданские войны, развивающиеся в результате обострения религиозных и этнических противоречий, стали характерным признаком второго кризиса миропорядка 2010-х годов. Мировая система оказалась расколотой идеологически и поэтому неэффективной в вопросе урегулирования конфликтов, а великие державы кардинально разошлись в своих оценках причин возникновения конфликтов и путей и целей их урегулирования. Для России и многих других незападных держав целью урегулирования представляется сохранение и укрепление местной государственности, с тем чтобы государство оказалось способно поддерживать закон и порядок, стабилизируя тем самым обстановку на своей территории и в своём регионе. Для США и западных стран цель урегулирования – соблюдение индивидуальных прав и свобод и создание либерально-демократического режима на месте авторитарного, что чаще всего приводит к вакууму власти и хаосу. Позиция Запада определяется либеральной идеологией с элементами интервенционизма, Россия видит ситуацию через призму идей государственности и национализма.

Ключевые слова: миротворчество, миростроительство, либерализм, национализм, этатизм, российско-американские отношения, система международных отношений.

На фоне продолжающегося военного конфликта в Сирии крайне обострились дискуссии по всем аспектам международных и двусторонних отношений между США и Россией. По поводу Сирии и подходов к поиску урегулирования в этой стране стороны расходятся буквально во всём. Они проповедуют принципиально разные подходы к формированию системы международных отношений в целом, расходятся во мнении о роли и месте государства в ней, по-разному понимают проблему лидерства. Соединённые Штаты отстаивают сохранение либерального американоцентричного устройства (однополярного американского момента), Россия же продвигает идею мультицентричного мира, основанного на идее суверенитета и баланса сил и интересов. США настаивают на своей исключительности, Россия же её не признаёт и утверждает

* **БРАТЕРСКИЙ** Максим Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3; профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. (НИУ-ВШЭ). Москва 100110 ул. Мясницкая, д. 20 (bratersky@gmail.com).

ет, что у США нет монополии на нарушение международного права, и что все государства равны на международной арене. США упорствуют в своём праве и даже обязанности “международного демократического сообщества” осуществлять гуманитарные интервенции и свергать правительства, ущемляющие интересы и права своих граждан, Россия стоит на позициях безусловного приоритета принципов суверенитета и невмешательства. США рассуждают о своём праве и обязанности вести за собой человечество в светлое либерально-демократическое будущее, Россия выступает за множественность моделей развития и признание за любой страной права на собственный путь.

На тактическом уровне в сирийском конфликте Россия и США также находятся по разные стороны баррикад, Россия стремится сохранить единую Сирию и её государственность, с Асадом или без него, с тем чтобы сирийское государство могло проводить независимую политику и противостоять терроризму и экстремизму в регионе. Цели Соединённых Штатов менее понятны. Уже много лет они настаивают на уходе Асада и установлении в Сирии “правительства, подотчётного сирийскому народу”¹ не поясняя какие именно группировки должны в это правительство войти, в силу каких причин такое правительство не будет экстремистским и что произойдёт в этом случае с сирийской государственностью.

Позиция США по Сирии порой выглядит настолько нелогичной, что многие наблюдатели ищут другие глубинные причины и смысл американской политики на Ближнем Востоке. Некоторые авторы полагают, что настоящая цель США – пересмотр политических границ в регионе для получения над ним более плотного контроля, а также управления энергетическими ресурсами региона². Появляются мнения, что основная задача США заключается в формировании в регионе кучки слабых, зависимых стран на месте бывших крупных и достаточно независимых, которые будут сотрудничать с Соединёнными Штатами на американских условиях³. Другие авторы видят в сирийской политике Вашингтона планы по дальнейшей дестабилизации региона с тем, чтобы усилить зависимость Европы от Соединённых Штатов [Дженсен Д., 2015].

Экзотические теории по поводу истинных мотивов политики США на Ближнем Востоке в целом и в Сирии в частности появляются потому, что американская внешняя политика стала гиперидеологизированной, и её авторы всё чаще руководствуются не рациональными, а идеологическими соображениями. Американскую внешнюю политику формулирует идеократия [Лукин А.В., 2016], выводя правильность своей политики исключительно из положений самой идеологии. В такой системе, замечает А.В. Лукин, “права человека” – предмет веры, центр господствующей идеологии, в котором нельзя сомне-

¹ Wittes T. C. Options for U.S. Policy in Syria. Testimony before the Senate Foreign Relations Committee. Thursday, April 19, 2012. Available at: <https://www.brookings.edu/testimonies/options-for-u-s-policy-in-syria/> (accessed: 20.10.2016).

² Nazemroaya M.D. Plans for Redrawing the Middle East: The Project for a “New Middle East”. Available at: <http://www.globalresearch.ca/plans-for-redrawing-the-middle-east-the-project-for-a-new-middle-east/3882> (accessed: 20.10.2016).

³ MacMillan S. The “New Thirty Years War” in the Middle East – A Western Policy of Chaos? Available at: <http://journal-neo.org/2015/08/14/the-new-thirty-years-war-in-the-middle-east-a-western-policy-of-chaos/> (accessed: 20.10.2016).

ваться. Такими же предметами веры стали понятия “демократия”, “рыночная экономика”, “глобализация”, “гуманитарная интервенция” и т.п. В США и частично в Европе, продолжает Лукин, господствующая идеология превратилась в светскую религию. [Лукин А.В., 2016, с. 49]

А раз дело обстоит таким образом, то ответы на вопрос о целях американской политики в Сирии и шире, целях американской политики в урегулировании региональных конфликтов следует искать не только в области рационального, но и, прежде всего, в области идеологии, превратившейся в веру. Идеологизированный подход США к миротворчеству проявлялся и до сирийского кризиса. В текущем кризисе его противоречивость проявилась наиболее ярко.

Отход от традиций нейтралитета в миротворчестве

В отношении применяемых методов “новое миротворчество” пошло гораздо дальше идеи наблюдения за соблюдением соглашений. Новые подходы к миротворчеству были изложены Генеральным секретарем ООН Бутросом Гали в 1993 г. в докладе “Повестка для мира”⁴. Миротворчество в 1990-х годов, в основном с подачи Соединённых Штатов и стран Западной Европы, стало мультифункциональным и преследовало теперь множество различных задач, которые могли в себя включать как гуманитарные интервенции, нацеленные на немедленное решение вопросов безопасности гражданских лиц, так и долгосрочные усилия по миростроительству, включающие ряд экономических, политических и военных мероприятий. Акцент в миротворчестве сместился с попыток примирения враждующих стран к усилиям по разрешению внутренних конфликтов, возникающих на религиозной и этнической почве. Причём внешнее вмешательство в поддержку одной из сторон конфликта уже не являлось чем-то необычным. Выбор стороны для поддержки мог определяться на основе разных соображений, от того, кто из враждующих сторон имел лучшие шансы на победу [Stedman S., 2002; Zartman W., 2007] до того, кто выглядел морально более правым, то есть идеологически близким [O’Hanlon M., 1997].

Но самое важное изменение произошло в понимании природы международных отношений после окончания “холодной войны” и месте конфликтов в ней. Мировое сообщество устами Запада и, прежде всего, Соединённых Штатов, заявило о том, что процесс глобализации привёл к интеграции национальных экономик, что привело к сжатию роли национальных государств, ослаблению национального суверенитета и деградации национальных государств как суверенных игроков в международной системе. Мировая система, основанная на взаимодействии государств между собой, уступила место некоему “международному сообществу”, возглавляемому Соединёнными Штатами по праву гегемона, а внутригосударственные конфликты стали рассматриваться не столько как внутреннее дело государств, сколько как “семейная” проблема мирового сообщества. Соответственно, миротворчество, миростроительство, разрешение конфликтов должны были уже не столько служить интересам государств, сколько обслуживать права индивидуумов. Главным в миротворчестве отныне считались не национальные интересы, а права человека, инди-

⁴ Boutros-Ghali. An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peace-keeping. United Nations, 17 June 1992

видуальные права и свободы. В споре государств и групп индивидуумов правами почти всегда оказывались индивидуумы. За государствами более не признавалось право на легитимное насилие на своей территории.

Новое либеральное толкование миротворчества, предложенное Соединёнными Штатами, самым прямым образом отразилось на понимании ранее незыблемых принципов миротворчества, таких как согласие сторон, нейтралитет и неприменение силы. Теперь согласия государства на миротворчество, в случае если государство считалось морально неправым, не требовалось. Миротворцы уже не обязаны были быть нейтральными, наоборот, они должны были активно, если нужно – силой, обеспечивать такое политическое решение, которое максимально ориентировалось бы на индивидуальные права и ценности. Более того, ввиду специфического понимания либералами на Западе природы государств и преувеличения ими опасности того, что государство выйдет из-под контроля индивидуумов и начнет попираť индивидуальные права и свободы, акценты в новом миротворчестве всегда делались на индивидуальные интересы в ущерб интересам государства. Во внимание принимались только интересы государств, построенных на либерально-демократических принципах. Все другие типы государств признавались недостаточно легитимными или полностью нелегитимными, и их интересы в миротворческих операциях более не учитывались.

С российской точки зрения, международное миротворчество всё чаще отходит от своей задачи бесстрастного прекращения конфликта, и становится одним из инструментов внешней политики крупных держав. Россия последовательно настаивает на деидеологизации политики миротворчества и отказывается признавать правомерность свержения правительств по политическим причинам в рамках миротворческих операций.

Как неоднократно заявляли руководители российской дипломатии, Россия рассматривает миротворчество как одну из главных функций и задач ООН. По словам российского министра иностранных дел С.В. Лаврова, "Россия неизменно придаёт большое значение миротворчеству в качестве важного инструмента снижения конфликтности в международных отношениях, урегулирования кризисов, которые в наше беспокойное время продолжают представлять угрозу международному миру и безопасности". Она "будет и впредь вносить активный вклад в совершенствование превентивного антикризисного потенциала ООН, в том числе путём предоставления своих миротворцев для операций по поддержанию мира, оказания услуг для миротворческой деятельности, подготовки миротворческого контингента"⁵.

Россия в борьбе за реформу миротворчества

Россия разделяет мнение о недостаточной эффективности миротворческих операций ООН и необходимости реформ в этой области. Однако она считает основными причинами кризиса ооновского миротворчества не только организационные проблемы, но, прежде всего, попытки США и их западных союзников

⁵ Выступление С.В. Лаврова на конференции "Миротворческая деятельность, её роль и место в поддержании международного мира и обеспечении коллективной безопасности Организации договора о коллективной безопасности". Available at: <http://tass.ru/politika/750107> (accessed: 20.10.2016).

подорвать ведущую роль ООН и её Совета Безопасности как в этой, так и других сферах. Таким отношением России к подходу Запада было не всегда. Сразу после распада СССР Россия стала активно участвовать в международном миротворчестве, при этом в целом разделяя цели Запада. Первым серьёзным кризисом стали миротворческие операции в бывшей Югославии, в ходе которых, по мнению Москвы, США и НАТО воспользовались мандатом СБ не для остановки конфликта, а для достижения собственных политических целей: наказания неугодного режима С. Милошевича и раздела Югославии, а затем и Сербии.

Эта политика привела к серьёзному разочарованию России в Западе в целом. В мае 1999 г., когда бомбы НАТО падали на Белград, тогдашний специальный представитель президента России по Югославии, бывший премьер В.С. Черномырдин писал: “В период реформ большинство россиян сформировало свое видение Соединённых Штатов как демократии, действительно озабоченной правами человека и предлагающей такой международный стандарт, который стоило копировать. Но как советские танки, давившие “Пражскую весну” в 1968 году, развеяли миф о достоинствах социалистического строя, так и Соединённые Штаты потеряли моральное право считаться лидерами демократического мира, после того как их бомбы разрушили идеалы свободы и демократии в Югославии”⁶.

Другой серьёзной причиной для разочарования России стало злоупотребление НАТО резолюцией СБ ООН № 1973 по Ливии. Принятая в марте 2011 г., резолюция устанавливала бесполётную зону и разрешала принимать меры для защиты мирного населения. Однако силы западных государств воспользовались ей для разгрома вооружённых сил одной из сторон конфликта.

По сути, речь шла о том, что ревизионистские государства, прежде всего США, сами не выполняют требования Устава ООН, что вело к неэффективности миротворчества. Критикуя эти и подобные действия США и их союзников, российский эксперт приходит к выводу: “К середине 90-х годов. признаки кризиса миротворческой деятельности ООН стали явными, и международное сообщество стало искать пути и методы выхода из этого кризиса. Проблема кризиса миротворчества ООН глубже, чем кажется на первый взгляд: её корни уходят не только в недостатки самой системы кризисного реагирования, но и в слабости международно-правового регулирования в целом” [Кузьмина О.В., 2013].

Эти и другие случаи сформировали российскую позицию по реформе системы миротворчества ООН. Эта позиция основана на том, что выработка действенных механизмов предотвращения кризисов, усовершенствование миротворчества и укрепление его базы должно происходить в тесном взаимодействии с региональными организациями, но с учётом центральной роли Совета Безопасности. Формулируя эту позицию, заместитель директора департамента международных организаций МИД России В.Ф. Заемский писал: “Новый уровень требований, предъявляемых мировым сообществом к миротворческой деятельности, существенно диверсифицировал цели и применяемые для их достижения средства. С одной стороны, привычные формы миротворчества претерпели существенную эволюцию, с другой, – кардинальным образом воз-

⁶ Chernomyrdin Viktor. Comment: Bombs Rule Out Talk of Peace // The Washington Post. 27.05.1999.

росло число задач, которые приходится решать в ходе миротворческих операций. Многообразие форм современного миротворчества, в том числе с участием региональных организаций или коалиций, представляется вполне естественным, но непреложным должно оставаться и положение о ведущей роли ООН как единственной универсальной организации, Устав которой обязались соблюдать все члены мирового сообщества” [Заемский В.Ф., 2009].

С точки зрения Москвы, реформа должна состоять из двух основных частей: совершенствования самого механизма кризисного реагирования (миротворческого потенциала) и выработки чётких правовых аспектов применения силы в международных отношениях. В первой части Россия призывает к осуществлению ряда мер. Во-первых, это повышение качества планирования и подготовки миротворческих операций, а также оперативности их развертывания. Для реализации этой цели предлагается, в частности, создать хорошо обученные многонациональные объединения по пять тысяч человек в каждом, которые можно было бы развернуть в любой “горячей точке” за один месяц. В политическом плане большое значение придаётся строгому соблюдению выдаваемых Советом Безопасности мандатов операций, которые в свою очередь должны быть предельно ясными, выполнимыми и подкрепленными соответствующими ресурсами. Во-вторых, по мнению России, серьёзного изучения заслуживают пути совершенствования “санкционных” режимов. Россия добивается того, чтобы впредь Совет Безопасности вводил санкции не бессрочно, а на строго оговоренный период времени, причём с обязательным анализом их возможных гуманитарных последствий и принятием мер по недопущению страданий гражданского населения и негативного воздействия санкций на третьи страны. В-третьих, Россия продолжает продвигать в ООН идею о необходимости активизации деятельности Военно-штабного комитета (*Military Staff Committee*), которая возможна лишь при условии участия в его управлении всех постоянных членов Совета Безопасности. В-четвёртых, Россия поддерживает расширение сотрудничества ООН и региональными организациями в рамках главы VIII Устава ООН. С точки зрения Москвы, она сама реализует это положение, развивая взаимодействие ООН и СНГ в области миротворчества. При этом Россия выступает против подмены ООН региональными структурами [Гришаева Л.Е., 2008].

Во второй части реформы Россия подчёркивает особую важность соблюдения основ международного права в области миротворчества, и, прежде всего Устава ООН. Так, например, Россия внесла в ООН предложение о коллективном уточнении правовых аспектов применения силы в международных отношениях в условиях глобализации. По мнению России, эти правовые положения не должны нарушать базовых принципов суверенитета и территориальной целостности государств. Эта необходимость, с точки зрения России, вызвана постоянными нарушениями норм международного права со стороны США, которые оправдывают свои действия теориями “ограниченного суверенитета” и “гуманитарной интервенции” и “ответственности по защите”, противоречащими принципам территориальной целостности и нерушимости границ.

Россия, отстаивая необходимость соблюдения норм международного права в международных отношениях, выступает за приоритетное использование возможностей превентивной дипломатии для раннего предупреждения кризисов и их предотвращения. Выступая на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в

1999 г., министр иностранных дел России И.С. Иванов предостерегал: “Отцы-основатели ООН предусмотрели возможность реагирования – на законных основаниях – на нарушения мира и безопасности. Международное сообщество может прибегать и к принудительным мерам, но это должно делаться в соответствии с Уставом ООН и по решению Совета Безопасности. Неправовые средства лишь компрометируют правые цели. Именно под этим углом зрения мы рассматриваем доктрины типа концепции “гуманитарного вмешательства”. Вообще же следует чрезвычайно осторожно подходить к мерам принуждения и уж тем более не допускать того, чтобы они превращались в репрессивный инструмент воздействия на неугодные кое-кому государства и народ”⁷.

Конфликтующие подходы при миростроительстве

Важной особенностью международной жизни в конце XX – начале XXI века является сокращение количества межгосударственных конфликтов, и увеличение числа конфликтов внутригосударственных, разного рода гражданских войн и прочих этнических, религиозных и социальных столкновений. Наиболее выпукло эти тенденции проявились в Арабской весне – серии революций и переворотов, охвативший Ближний Восток и Северную Африку в последние годы, которая переросла в волну развала существовавших светских государств и дестабилизацию целого региона.

Современное развитие событий в мире лишь подчёркивает необходимость эффективных миротворческих и миростроительных усилий со стороны мирового сообщества, и находит своё отражение в развернувшейся дискуссии по поиску эффективных путей установления мира в странах, переживших внутренние конфликты. В этой связи мировое сообщество уже накопило определённый опыт. И в практическом, и в академическом плане принято разделять миротворчество и миростроительство. Миротворчество включает в себя усилия по прекращению конфликта, снижению его интенсивности, миростроительство фокусируется на послевоенных усилиях по укреплению мира и налаживанию в пострадавшем от конфликта государстве нормальной политической, экономической жизни, созданию условий для самоподдерживающегося развития, не требующего более участия иностранных миротворцев и специалистов.

Особой, важной частью усилий по миростроительству принято считать комплекс действий по реформированию силовых ведомств послевоенного государства, адаптации их к нуждам экономического и социального развития страны. Задачей таких действий – реформы сектора безопасности (РСБ, *Security Sector Reform, SSR*) являются такие изменения в деятельности силовых структур и ведомств – вооружённых сил, полиции, спецслужб, которые, во-первых, способствовали бы укреплению в стране гражданского мира и согласия между когда-то конфликтующими сторонами, и во-вторых, создавали бы благоприятный климат для политического и социального развития, деловой активности, прихода иностранных инвесторов.

⁷ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Available at: http://www.rg.ru/oficial/from_min/mid_99/285.htm (accessed: 20.10.2016).

Концепция РСБ достаточно давно присутствует как в академической литературе, так и в политической практике. Вместе с тем стоит отметить, что, хотя ООН неоднократно применяла подходы РСБ в своих миротворческих операциях, до 2014 г. необходимость РСБ не была закреплена каким-либо официальным документом СБ ООН и на практике этот подход применялся от случая к случаю. В этой связи постоянный представитель Великобритании Марк Лайалл Грант (*Sir Mark Lyall Grant*) отметил, что не во всех миссиях всемирной организации до сих пор уделялось достаточное внимание реформам сектора безопасности. По его словам, в то время как многолетняя кропотливая работа в Сьерра-Леоне и Тимор-Лесте принесла успех, в Центральноафриканской Республике и Южном Судане ООН неоднократно становилась свидетелем возобновления кровопролитных конфликтов. "Нашей целью должно быть оказание содействия в создании эффективных, подотчётных и ответственных служб безопасности, которые будут находиться под национальным контролем", – заявлял дипломат⁸.

Решение о том, чтобы миротворческие операции ООН в обязательном порядке учитывали проведение реформы сектора безопасности в странах, переживающих последствия вооружённых конфликтов, было принято 15-ю странами-членами Совета Безопасности ООН лишь в апреле 2014 г. (резолюция 2151).

Документ "постановляет учитывать аспекты реформы сектора безопасности в мандатах миротворческих операций и политических миссий ООН в качестве их неотъемлемого компонента и в соответствующих случаях уделять им приоритетное внимание".

Ключевой термин здесь – "безопасность", и как её понимают различные участники международного сообщества и политического процесса.

Содержательное понимание процесса реформирования сектора безопасности целей этого процесса существенно различается в США и в России. В обществах, ориентированных на ведущую роль государства РСБ часто воспринимается как сочетание военной подготовки, оказания технической поддержки и поставок оборудования с целью повышения эффективности действия силовых структур. Для либеральных обществ и политиков, наоборот, важны другие компоненты РСБ, в том числе задачи долгосрочной демократизации, значение механизмов демократического надзора над деятельностью силовых ведомств, идея выгоды реформ, способствующих укреплению доверия среди населения. Согласно преобладавшей изначально западной концепции, РСБ в первую очередь необходима для охраны прав человека так как под безопасностью понимается прежде всего защита демократических основ общества. Другой важной задачей РСБ является обеспечение транспарантности деятельности силовых ведомств, ограничение влияния силовых структур и недопущение их превращения в "государства в государстве".

До определённого момента концепция РСБ формулировалась исключительно западными политиками и институтами, и изначально концепция РСБ ассоциировалась с западными ценностями и подходами. Хорошей иллюстраци-

⁸ The UK will continue to support security sector reform around the world. Statement delivered by UK Ambassador Mark Lyall Grant To the UN Security Council debate on. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-uk-will-continue-to-support-security-sector-reform-around-the-world> (accessed: 20.10.2016).

ей превалировавшего до недавнего времени либерального западного подхода к РСБ могут служить документы ОЭСР (клуба богатых демократических стран), в частности, *OECD DAC Handbook on Security System Reform. Supporting and justice* (2007)⁹.

Согласно этой публикации, основной задачей международного содействия в постконфликтной реформе сектора безопасности является повышение способности стран-реципиентов помощи решать проблемы безопасности и правосудия таким образом, чтобы это соответствовало “демократическим нормам, высоким стандартам госуправления и принципу верховенства закона”.

Из описанного выше видно, что западный, либеральный подход к РСБ делает существенный акцент на демократизации и соблюдении индивидуальных прав и свобод. Сам по себе подобный подход не вызывает возражений со стороны России и других нелиберальных держав-участниц обсуждений по РСБ, при условии, что демократизация не будет проводиться за счёт укрепления государственной безопасности. Неявное противоречие между позицией США и европейцев по РСБ и России, которую в целом можно охарактеризовать как более националистическую, состоит в акцентах и нюансах по следующим пунктам.

Либеральный подход ставит во главу угла индивидуума и его права, националистический подход, исповедуемый Россией, – интересы нации как общности, либеральный подход настаивает на демократизации СБ и общества в целом, опасается использования РСБ для укрепления политических позиций недемократических режимов. Националистический подход, напротив, отдаёт приоритет укреплению механизмов сектора безопасности, без привязки политики реформирования к характеру политического режима, и рассматривает демократизацию и права и свободы не как самоцель, а как инструмент более эффективного функционирования СБ. Националистический подход не отвергает идеи демократии и прав человека, но и не абсолютизирует их. Если СБ будет управляться демократическим образом, это приветствуется, но главным критерием РСБ является повышение эффективности, укрепление безопасности государства, а не демократизация.

Наряду с идеологическими разногласиями по поводу реформы сектора безопасности традиционный либеральный и националистические подходы различаются разной степенью дидактизма и самоуверенности. Подход Соединённых Штатов исходит из линейной картины истории, согласно которой все общества и государства движутся в одном направлении к одной цели – построению либерального демократического государства, но одни страны этот путь уже прошли (это страны ОЭСР), а другие только по нему идут. В этой картине мира более опытные страны несут бремя морального долга помочь отставшим странам преодолеть предстоящий путь быстрее и с меньшим количеством ошибок. Этот подход полностью применим и к проблеме РСБ. Развитые демократические страны уже выстроили у себя эффективно работающий и основанный на демократических принципах СБ. Если такой СБ хорош для западных стран, он будет хорош и для любой другой страны. Следовательно, запад-

⁹ The OECD DAC Handbook on Security System Reform. Supporting Security and Justice. Available at: <http://www.oecd.org/dac/governance-peace/conflictfragilityandresilience/oecddachandbookonsecuritysystemreformsupportingsecurityandjustice.htm> (accessed: 20.10.2016).

ный опыт универсален, и задачей стран-доноров является его творческий перенос на местную почву.

В отличие от изложенной выше достаточно самоуверенной позиции националистический подход (России, Китая) не претендует на универсализм. Западные державы оценивают и собственные успехи в РСБ, и перспективы реформ в других странах гораздо более критически, и признают право на ошибку как для себя, так и для других. Такие полиэтнические и поликонфессиональные страны как Россия или Индия, например, на своём опыте хорошо знают, что идеальных схем не бывает, что СБ действует в определённом культурном, этническом и традиционном контексте и что не стоит пытаться унифицировать деятельность всех территориальных подразделений силовых ведомств.

В последние годы нарастает подозрительность западных держав, особенно России, по поводу возможности использования РСБ западными странами в геополитических целях, смене режимов, организации "цветных революций". Сектор безопасности постконфликтных государств является, во-первых, очень уязвимым перед внешним воздействием, и во-вторых, он является ключевым в вопросах защиты конституционного строя государства. По этим причинам задачи, ставящиеся зарубежными донорами РСБ, напрямую влияют на будущую конфигурацию сектора безопасности, могут ослаблять лояльность сил безопасности к существующему политическому устройству.

Наконец, по-иному выстраиваются отношения стран-доноров и стра – реципиентов РСБ в либеральной и в националистической парадигмах. Большая часть либеральных стран-доноров РСБ не только видит себя на “правильной стороне истории” и, следовательно, ощущает себя морально правомочными указывать постконфликтным государствам что и как делать, но и также ощущают некоторую толику коллективной вины Запада перед новыми государствами за колониальное прошлое. Их деятельность в области развития в целом и РСБ в частности исходит из достаточно чёткого разделения ролей для разных стран в этой взаимосвязи. Западные страны играют роль доноров, так как, во-первых, знают, как надо, во-вторых ощущают свою обязанность помогать. Постконфликтные государства, соответственно, принимают на себя роль реципиентов помощи. В отличие от описанной ситуации западные державы – участницы дискуссий по РСБ не являлись в прошлом метрополиями колониальных империй. Они не считают, что обладают монополией на истину, и не считают себя обязанными кому-то помогать в силу тех или иных причин. В результате, их отношения с постконфликтными странами, испытывающими нужду в РСБ, принимают иную форму, которую следует характеризовать как партнёрство. В таком партнёрстве идеалистический и идеологический компонент минимален, новые державы помогают постконфликтным странам на взаимовыгодной основе, а их сотрудничество обычно строится на взаимном интересе. Оно гораздо более прагматично, менее идеологизированно и строится в виде сделки. При такой форме взаимоотношений “покупатель” обладает гораздо более сильными переговорными позициями и вместо того, чтобы брать готовый “подарок” сам формулирует свои пожелания к РСБ.

Такой подход находит своё выражение и в официальных заявлениях России по поводу политики РСБ. Так, в ходе заседания СБ по вопросу о принятии резолюции по РСБ российская сторона указала, что суверенное право на проведение реформ сектора безопасности принадлежит национальным правитель-

ствам, а международное содействие, в том числе по линии ООН, следует оказывать только с согласия принимающей стороны. "Правительства должны сами определять приоритеты при проведении преобразований, координировать их и нести главную ответственность за результаты. При этом следует избегать излишнего внешнего давления и навязывания принимающей стране видения сути реформенного процесса. Упорное наставничество, граничащее со вторжением во внутренние дела государств, может только навредить", – предупредил заместитель постоянного представителя РФ при ООН Пётр Ильичёв¹⁰. Как видно из этих заявлений, и в вопросах реформы сектора безопасности Россия выступает за вне идеологический подход, ориентированный на решение практических задач.

* * *

Столкновение подходов Соединённых Штатов и России по вопросам миротворчества и миростроительства не только стоит на пути урегулирования конкретных конфликтов, но и нагнетает напряжённость в отношениях между самими великими державами, подпитывает информационную войну Запада против России, радикализует мировоззрение политиков на Западе и в России. По наблюдению А.И. Никитина, "по инерции "холодной войны", военное вмешательство в ряд конфликтов со стороны США, НАТО и стран Запада, с одной стороны, и вмешательство в иные конфликты со стороны России и СНГ, с другой стороны, всё дальше расходятся друг с другом и взаимно не признаются настоящим миротворчеством"¹¹. США и их союзники не признают легитимным миротворчество, которое осуществляла Россия, особенно после конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г., а также предшествующие действия РФ согласно мандатам СНГ в Таджикистане и Абхазии. Россия, в свою очередь, не признает легитимными действия Запада в отношении Союзной Республики Югославия в 1999 г., действия США и Великобритании с союзниками против Ирака без мандата ООН в 2003 г. (до получения мандата СБ ООН), а также действия стран НАТО в отношении Ливии (превышение мандата СБ) и Сирии (попытки свергнуть законное правительство путём поддержки антиправительственных повстанцев без какого-либо мандата ООН).

А.И. Никитин призывает Россию и Запад – сделать шаг навстречу друг другу в преодолении взаимного непризнания миротворческих действий друг друга: "Необходимо уметь видеть спорные ситуации глазами *другой стороны*, искать совместные либо взаимоприемлемые формулы использования военной силы в конфликтах" [Никитин А.И., 2011, с. 109]. В этом случае по большинству конфликтов можно было бы находить согласие в СБ ООН и легитимировать международное вмешательство мандатом ООН. Однако в нынешней международной ситуации, в условиях нарастания конфронтации между Россией и Западом такие шаги навстречу друг другу вряд ли возможны. В то же время нельзя отрицать, что наметились и позитивные сдвиги. В частности, для урегулирования конфликта на Украине все стороны признают позитивную роль ОБСЕ, которая заметно активизировалась после десятилетий пассивности, по

¹⁰ Совбез ООН: реформа сектора безопасности стран должна стать частью миротворческих операций. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1154521> (accessed: 20.10.2016).

¹¹ Совбез ООН: реформа сектора безопасности стран должна стать частью миротворческих операций. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1154521> (accessed: 20.10.2016).

крайней мере, в сфере международной безопасности. В перспективе здесь возможно и достижение какого-то решения, которое будет легитимизировано СБ ООН. Ситуация конфронтации создаёт значительные препятствия на пути международного миротворчества и делает мир значительно более опасным и непредсказуемым, и это рано или поздно должно быть признано всеми сторонами.

Список литературы

- Гришаева Л.Е., 2008. *Косово: кризис миротворчества ООН*. – Новый исторический вестник. №17, с.143.
- Дженсен Д., 2015. *Проект "Путин". Путин и США: Вашингтонский дневник*. М., "Алгоритм", 256 с.
- Заемский В.Ф., 2009. *Современные проблемы миротворческой деятельности ООН*. – Политические исследования (Полис), №2, с.138.
- Кузьмина О.В., 2013. *Реформа Организации Объединённых Наций и политика США в период администрации Барака Обамы (2008–2012)*. – "Ойкумена". № 2, с. 74.
- Лукин А.В., 2016. *Новая международная идеократия и Россия*. – Сравнительная политика № 1 (22), с. 41–57.
- Никитин А.И., 2011. *Участие России в Международном миротворчестве и перспективы его реформирования*. – Индекс безопасности, № 2 (97), Том 17.

References

- O'Hanlon M.E. *Saving Lives with Force: Military Criteria for Humanitarian Intervention*. Brookings Institution Press, 1997, 86 p.
- Stedman S.J., Rothchild D. *Ending Civil Wars: The Implementation of Peace Agreements*. N.Y., Lynne Rienner Pub. 2002, 775 p.
- Zartman W. *Peacemaking in International Conflict: Methods and Techniques* (Revised Edition), US Institute of Peace Press, 2007, 432 p.
- Dzhensen D. *Proyekt "Putin". Putin i SShA: Vashcingtonskiy Dnevnik*. Moskva, Algoritm, 2015. [Gensen D., 2015. *Putin and the USA: the Washington Diary*. Moscow 2015].
- Grishayeva L.Ye., 2008. *Kosovo: Krizis Mirotvorchestva OON*. [Grishayeva L.Ye., 2008. *Kosovo: the U.N. Peacekeeping Crisis*. – New Historical Herald, No 17, p. 143].
- Zayemskiy V.F., 2009. *Sovremennye problemy mirotvorcheskoy Deyatel'nosti OON*. [Zayemsky V.F., 2009. *Current Issues of U.N. Peacekeeping Activity*. – Political Research (Police), No 2, p. 138].
- Kuzmina O.V. *Reforma Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy i politika SShA v period administratsii Baraka Obamy. (2008-2012)*. – Oykumena, 2013 [Kuzmina O.V. *UN Reforming and U.S. Politics During the Obama Administration. (2008-2012)*. – Oykumena, 2013].
- Lukin A.V., 2016. *Novaya Mezhdunarodnaya Ideokratiya i Rossiya*. [Lukin A.V., 2016. *A New International Ideocracy and Russia*. – Comparative Polotics, No 1(22), p. 41-57].
- Nikitin A.I., 2011. *Uchastiye Rossii v Mezhdunarodnom Mirotvorchestve i perspektivy yego reformirovaniya*. [Nikitin A.I., 2011. *Russia's Participation in International Peacekeeping Missions and Its Reforming Prospects*. – Security Index, No 2 (97), Vol. 17.

U.S. and Russian Approaches Towards Peacekeeping: Liberalism vs Etatism

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 2, p. 39-51)

Received: 7.11.2016.

BRATERSKY Maksim Vladimirovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation; Higher School of Economics – National Research University: 20, Myasnitskaya ul., 101000 Moscow, Russian Federation
(bratersky@gmail.com)

Regional conflicts and civil wars born out of religious and ethnic contradictions are characteristic for the second crisis of world order of 2010s. International system was divided ideologically and this is ineffective in conflict resolution, and great powers oppose each other diametrically regarding the reasons of conflict as well as methods and goals of their resolution. For Russia and some non-Western nations the goal of conflict resolution would be the preservation and reinforcement of the local state so that it is able to maintain law and order on its territory and stabilize the situation in the region. For U.S. and Western countries the goal in conflict resolution will be the protection of individual rights and freedoms together with the establishment of liberal democratic regime on the place of the former authoritarian one, leading very often to the vacuum of power and chaos. The policy of the west is based on liberal ideology mixed with interventionist ideas. Russia views the situation through the prism of statehood and nationalism..

Keywords: *peacemaking, peacebuilding, liberal ideology, nationalism*

About the author:

BRATERSKY Maksim Vladimirovich, Doctor of Sciences (Political), professor; senior researcher.